

ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА МЕДВЕДЯ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН*

Михаил Козлов

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

Снежана Шендрикова

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
Крымский федеральный университет,
Ялта, Россия

THE EVOLUTION OF THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE BEAR IN THE CULTURE OF THE EASTERN SLAVS

Mikhail Kozlov

Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

Snezhana Shendrikova

Academy for the Humanities and Pedagogy (branch),
Crimean Federal University,
Yalta, Russia

The subject of this study is the evolution of the image of the bear among the Eastern Slavs between the tenth and seventeenth centuries. The authors maintain that totemic ideas about bears as creatures that escort the souls of the deceased to the kingdom of the dead began to spread in the East Slavic lands only from the mid-tenth century. Such ideas were influenced by the beliefs and cults of the neighbouring Finno-Ugric and Baltic tribes and were not characteristic of traditional East Slavic paganism. Based on ancient Russian writings and archaeological excavations into

---

* *Citation:* Kozlov, M., Shendrikova, S. (2021). The Evolution of the Mythological Image of the Bear in the Culture of the Eastern Slavs. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

Цитирование: Kozlov M., Shendrikova S. The Evolution of the Mythological Image of the Bear in the Culture of the Eastern Slavs // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622 / Козлов М., Шендрикова С. Эволюция мифологического образа медведя в культуре восточных славян // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 997–1012. DOI 10.15826/qr.2021.3.622.

ancient pagan sanctuaries, the authors outline the origin and formation of the myth of the supernatural ancestor bear, the protector of the human race, in all East Slavic lands. With the help of archaeological and zoological materials from the excavations of Russian settlements from the pre-Mongol era, as well as several ancient Russian written documents, the authors determine the period of transformation in the folk mythological consciousness of the Eastern Slavs of the mythological image of the bear from the ruler of destinies and guide in the kingdom of the dead into a forest demon. This paper emphasises that the myth of the supernatural ancestor bear gave rise to the custom of taking trained bears around Russian cities to rid them of evil spirits, as well as folk divination. The authors conclude that in the minds of these ancestors, the image of the bear went through several stages – from the idea of the bear as a tribal totem to the image of a benevolent spirit, a protector of people from evil spirits. The ancient pagan ideas about the bear as a deity remained part of the worldview of the East Slavic peoples until the early twentieth century, finding their reflection in folk fairytales, legends, and traditions.

Keywords: image of the bear in Russian culture, bear cult, Eastern Slavs, minstrels with bears

Представлен исторический анализ эволюции мифологического образа медведя в религиозном сознании восточных славян X–XVII вв. Авторы подчеркивают, что тотемистические представления наших предков о медведях-проводниках в царство мертвых начали распространяться в восточнославянских землях лишь с середины X в. под влиянием верований и культов соседних финно-угорских и летто-литовских племен и не были характерны для традиционного восточнославянского язычества. Опираясь на памятники древнерусской письменности и материалы археологических раскопок древнерусских языческих святилищ, авторы очерчивают период зарождения и становления на всех восточнославянских землях мифа о сверхъестественном предке-медведе – защитнике человеческого рода. С помощью археозоологических материалов с раскопок древнерусских поселений домонгольской эпохи, а также нескольких древнерусских письменных документов ими определен период превращения в народном сознании восточных славян мифологического образа медведя из властителя судеб и проводника царства мертвых в одного из лесных бесов. Подчеркивается, что миф о сверхъестественном предке-медведе породил обычай водить дрессированных медведей по улицам древнерусских городов для их очищения от нечистой силы, а также в целях народных гаданий. Авторы приходят к выводу о том, что в сознании наших предков образ медведя прошел несколько этапов: от представления о нем как о племенном тотеме до образа одного из доброжелательных духов, защитника людей от нечистой силы. Отголоски древних языческих воззрений о медведе – языческом божестве сохранились в представлениях восточнославянских народов вплоть до начала XX в. и нашли свои отражения в народных сказках, легендах, преданиях, традициях.

Ключевые слова: образ медведя в российской культуре, медвежий культ, восточные славяне, скоморохи-медведчики

Реконструкция различных сфер духовной культуры восточных славян – одна из первостепенных задач современной гуманитарной науки. При этом происхождение и эволюция восточнославянских мифологических образов и традиций редко становятся предметом специального изучения. Историческая реконструкция древнерусских языческих верований и представлений возможна лишь в рамках анализа всей совокупности источников, доступных ученым на момент исследования. При этом достоверность как письменных свидетельств, так и данных археологии часто подвергаются сомнению со стороны многих исследователей. В связи с этим в современной гуманитарной науке существует множество различных взаимоисключающих теорий и гипотез относительно происхождения и эволюции представлений о зооморфных предках-тотемах.

Следует отметить и относительную бедность источниковедческой базы исследования восточнославянского язычества. В древнерусских письменных источниках языческие обряды и верования, связанные с почитанием предков-тотемов, всячески порицаются, но не описываются. Этнографические и фольклорные источники более информативны, однако, зафиксированные уже в XVIII – начале XX в., при реконструкции народных верований и представлений они могут играть лишь вспомогательную роль.

Существенно обогатившаяся в последнее время археологическая база исследования, безусловно, играет важную роль в реконструкции восточнославянских языческих верований и культов. Особенно следует отметить археозоологические исследования древнерусских городищ, заключающиеся в анализе остеологического материала, обнаруженного в заполнении подпольных ям наземных жилищ. Данные археозоологических исследований позволяют нам очертить периоды существования определенных ограничений на употребление в пищу медвежатины.

В настоящее время основное внимание исследователей привлекают восточнославянские божества, связанные с воинским искусством, потусторонним миром или хозяйственной деятельностью наших предков. Тотемистические же представления и верования восточных славян отечественные ученые либо вовсе игнорируют в своих трудах, либо интерпретируют как малозначимый элемент восточнославянского язычества. Между тем, как свидетельствуют древнерусские письменные источники и данные археологии, «медвежий культ», например, был одним из наиболее значимых элементов восточнославянского язычества. Его отголоски прослеживаются даже в народных представлениях XIX – начала XX в. Показать эволюцию мифологического образа медведя в религиозном сознании восточных славян X–XVII вв. – основная цель этой статьи.

Первые попытки детального анализа процессов зарождения и становления тотемистического культа медведей у народов, живших в древности на территории нынешней России, были предприняты

в советскую эпоху. При этом возникновение медвежьего культа было отнесено к эпохе неолита, а основными источниками его исследования стали мифы о медведях народов Сибири, Дальнего Востока и даже коренных народов Америки [Васильев]. Б. А. Рыбаков поддержал предположение Б. А. Васильева о раннем происхождении культа медведей у индоевропейских народов, но отнес его возникновение вообще к мустьерской эпохе. Для его реконструкции ученый использовал материалы, собранные при раскопках первобытных стоянок, обнаруженных на территории современных России, Украины и Белоруссии [Рыбаков, 1981, с. 94–104].

Большинство современных отечественных исследователей восточнославянского язычества в своих трудах лишь констатируют существование у наших предков в домонгольскую эпоху тотемистического культа медведя, практически не затрагивая при этом его происхождение и этапы развития [Левкиевская, с. 107–108; Карпов, с. 116–117]. Авторы проводят историческую реконструкцию древнеславянского тотемистического культа медведя лишь на основе этнографических и фольклорных материалов XVIII – начала XX в. В качестве вспомогательных источников при этом используются описания верований и культов народов Сибири, не имеющие никакого отношения к восточным славянам [Гура, с. 159–177; Марус; Бибалаева].

Следует отметить также зарубежные исследования, посвященные эволюции образа медведя в представлениях различных народов мира от глубокой древности до нашего времени [Shepard, Sanders].

В целом ряде современных публикаций рассматриваются отдельные аспекты восточнославянского медвежьего культа. Так, О. В. Голубкова на основе анализа письменных источников, этнографического и фольклорного материала показала связь между представлениями наших предков о прародителе-медведе и культом древнерусской богини Макоши [Голубкова]. Е. Л. Тянина на основе анализа древнерусских письменных источников и материалов археологических исследований осуществила историческую реконструкцию верований древних новгородцев домонгольской эпохи, связанных с тотемистическим культом медведя [Тянина].

Предметом отдельных исторических исследований неоднократно становились также скоморохи – поводыри медведей, исторически связанные с культом медведя [Власова; Аргов; Козлов, с. 39–40]. Вместе с тем, тема эволюции образа медведя в сознании наших предков X–XVII вв. в научных исследованиях практически не затрагивалась.

Под понятием «мифология» авторы понимают самую раннюю форму общественного сознания, находящую свое воплощение в верованиях, культах и мировоззренческих представлениях [Юнг, с. 5]. Мифологический образ – это органическая часть общей мифологической структуры, относящаяся к одному конкретному мифу [Ковалева, с. 92]. Таким образом, эволюция мифологического образа медведя в сознании восточных славян – это становление и развитие в течение опреде-

ленного времени народных мифов и верований, связанных с образом медведя как частью народных мировоззренческих представлений.

Как свидетельствуют дошедшие до нашего времени письменные источники и данные археологии, гипотеза Васильева – Рыбакова об «исконности» медвежьего культа у восточных славян не соответствует действительности. Так, согласно языческим традициям, тотемный зверь считался сакральным предком и сородичем почитавших его людей. Его убийство приравнялось к убийству своего сородича, а употребление в пищу мяса тотема приравнялось к каннибализму. Стремясь обеспечить поддержку своего зооморфного предка в загробном мире, почитавшие его люди клали в захоронения фигурки тотемных зверей, их лапы, клыки, когти и т. п. [Durkheim, p. 128; Кагаров, 1913, с. 204].

Анализ остеологического материала из мусорных ям поселений праславянских Зарубинецкой, Черняховской, Роменско-Борщевской, Юхновской и Пшеворской археологических культур свидетельствует о том, что наши предки активно охотились на медведей и употребляли в пищу их мясо. Кроме того, при раскопках местных могильников исследователи не зафиксировали статуэтки медведей, их клыки или муляжи медвежьих лап [Цалкин, с. 30, 32, 60–65, 137, 144; Славяне и их соседи, с. 30, 32, 60–65, 137, 144]. Кости медведей в значительной степени представлены в остеологическом материале, найденном при раскопках восточнославянских поселений эпохи становления Древнерусского государства [Цалкин, с. 130–131; Горбаненко; Кройтор, Колода, 2015, с. 217; Кройтор, Колода, 2016, с. 124].

На данный момент не найдено никаких письменных свидетельств о почитании медведей в южных и западных районах Руси дохристианской эпохи ранее начала XI в. Очевидно, не считался медведь тотемным зверем и у западных славян. Так, поклонение медведям не упоминается ни в одной польской или чешской хронике. Отсутствует информация о почитании косолапых зверей и в донесениях германских миссионеров, насаждавших христианство среди полабских славян. Таким образом, можно предположить, что для традиционного восточнославянского язычества культ медведя вообще характерен не был.

Впервые на восточнославянских землях тотемистический культ медведя зародился в тех регионах Северо-Восточной Руси, в которых наши предки оказались в тесных контактах с различными неславянскими этническими группами (в первую очередь с финно-уграми и балтами). От своих новых соседей они, скорее всего, и переняли культ медведя – проводника в царство мертвых. Так, в мифологии многих балтийских народов медведь считался прародителем человека и одним из образов бога Велса (Вельниса) – проводника в царство мертвых и повелителя душ умерших [Роткирх, с. 48; Готлиб, с. 22]. Схожие представления о медведе – прародителе людей и защитнике человеческого рода от нечистой силы имели и многие финно-

угорские народы, проживавшие в Северо-Восточной Руси [Петрухин, с. 51–58; Мокшина].

Не случайно Е. Г. Кагаров назвал Велеса самым загадочным из древнерусских богов [Кагаров, 1918, с. 30]. Возможно, что при колонизации восточными славянами Северо-Восточной Руси произошло слияние культа восточнославянского Велеса с культом летто-литовского Велса и целого ряда финно-угорских богов, связанных с тотемным культом медведя. Согласно Житию Авраамия Ростовского, уже во второй половине XI в. «Чудский угол» тогдашнего Ростова поклонялся русскому Велесу [Житие преподобного отца нашего Авраамия, с. 224]. Велес же, подобно балтскому Вельнису, мог обрести зооморфный образ медведя.

По верованиям балтийских народов языческой эпохи, для того, чтобы попасть в царство мертвых, необходимо было перелезть через стеклянную гору. Карабкаться по ней можно было лишь с помощью медвежьих когтей [Софонович, с. 26]. В связи с этим в могилы предков современных литовцев и латышей в языческую эпоху клали медвежьи когти, отрубленные лапы медведей или их глиняные муляжи.

Представления о медведе – проводнике в царство мертвых и повелителе загробного мира первым перенял у летто-литовских племен восточнославянский племенной союз кривичей (представлявший собой полиэтническую конфедерацию, состоящую из восточнославянских и балтоязычных племен). Медвежьи лапы и их глиняные муляжи появляются в длинных курганах кривичей уже в середине X в. В конце X – начале XI в. подобные артефакты появляются во всех крупных могильниках Северо-Восточной Руси.

В ярославских и владимирских курганах XI в. археологами фиксируются не только медвежьи лапы, но и металлические кольца. По мнению И. В. Дубова, они представляли собой плату за покровительство бога смерти – медведя на пути в иной мир [Дубов, с. 75]. Глиняные лапы и кольца обнаружены в 13 курганах Петровского, 18 курганах Михайловского и в 50 курганах Тимеревского некрополей. Кроме Ярославского Поволжья, данные предметы обнаружены во владимирских курганах (около десяти экземпляров). Еще один экземпляр найден в погребении в Шестовицах [Кураев].

Особый интерес вызывает одно из восточнославянских погребений Тимеревского могильника, в котором археологи обнаружили богатое захоронение девочки 11–13 лет. Помимо большого количества дорогих украшений и различных бытовых предметов, в могиле была найдена отрубленная медвежья лапа с надетым на нее дорогим перстнем. По мнению современных исследователей, при захоронении девочки был произведен обряд обручения ее с медведем – владыкой загробного мира [Дубов, с. 74–75] (см. ил.).

Согласно данным археологии, смоленские кривичи почитали бога-медведя не только как повелителя душ умерших, но и как властителя судеб живых людей. Так, на правом берегу реки Сож в 50-х гг. XX в.

Глиняные кольца и глиняные медвежьи лапы из Тимиревского могильника // Кураев И. Глиняные звериные лапы и кольца // Блог Исторического музея : [офиц. сайт]. 26.06.2020. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (дата обращения: 18.09.2020).

Clay rings and clay bear paws from the Timirevsky burial ground // Kuraev, I. (2020). Glinyanye zverinye lapy i kol'tsa [Clay Animal Paws and Rings]. In Blog Istoricheskogo muzeya [website]. June 26. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (accessed: 18.09.2020)

были обнаружены несколько однотипных городищ-святилищ конца X – начала XI в. (недалеко от поселков Тушемля, Городок и Прудки). В дальнейшем подобные городища-святилища были обнаружены на всем Смоленском Поднепровье в верховьях Сожа, Десны и Угры. Они представляли собой небольшие (700–900 м) укрепленные городища. Располагались они обычно среди болот в низине (отсюда другое название смоленских городищ-святилищ – болотные городища). В центре болотных городищ-святилищ находились округлые площадки с большими ямами в центре (капища, в которых некогда стояли идолы) и ряд столбов разных размеров (остатки длинных домов, в которых проводились различные торжества местных жителей). Внутри построек, как правило, находились десятки огромных сосудов для хранения зерна. На городище у поселка Городок сохранился главный объект поклонения – центральный столб, который венчала голова медведя [Третьяков, 1958, с. 170, 178–184].

Учитывая тот факт, что все исследованные болотные городища абсолютно идентичны между собой, можно предположить, что проживавшие здесь смоленские кривичи почитали медведя как воплощение какого-то могущественного божества. От его имени местные жрецы распоряжались главной ценностью того времени – зерном, хранимым в огромных сосудах в длинных домах святилищ. Зерно в ту эпоху было основным символом жизни земледельцев, таким образом, и божество, от имени которого жрецы распоряжались сосудами с хлебом, считалось властителем жизни местных жителей.

Подобные городища-святилища с огромными сосудами для хранения зерна были обнаружены при раскопках археологических памятников полоцких кривичей – Банцеровского городища-святилища недалеко от Минска, а также городища-святилища Барсучья Нора на Днестре в районе Могилева [Третьяков, 1958, с. 182, 185].

Недалеко от Брянска во Вщиже существовало вплоть до начала XII в. восточнославянское Благовещенское святилище. В нем почитали божество, связанное с медвежьим культом. При раскопках святилища были найдены медвежьи клыки, а также большие сосуды для хранения зерна, схожие с теми, что были обнаружены при раскопках болотных городищ-святилищ. Горло одного из сосудов было украшено стилизованным образом медведя [Рыбаков, 1953, с. 110].

В новгородских сопках медвежьи когти, зубы и кости появляются также в первой половине XI в. [Третьяков, 1948, с. 127]. Характерно, что из 56 амулетов, найденных в древнем Новгороде, лишь два относятся к началу XI в., остальные – ко второй половине XI–XIV в. [Тянина, с. 306].

В начале XI в. медвежьи клыки-обереги появляются в Южной Руси. Так, подобные амулеты найдены исследователями в срубных гробницах киевских дружинников XI–XII вв. [Боровский, с. 96–97].

Почитание языческих божеств, генетически связанных с культом медведя, продолжалось в землях летописных тиверцев в Поднестровье вплоть до середины XII в. Так, при раскопках Екимауцкого городища исследователи обнаружили руины языческого святилища, разрушенного вместе с поселением в середине XII в. Внутри святилища исследователи обнаружили осколок глиняного сосуда с изображением медведя и просверленные медвежьи клыки [Федоров, с. 143].

Интересная информация, проливающая свет на почитание медведя в Ярославском Поволжье в XI в., содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. По мнению И. О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [Тихомиров].

Согласно данному источнику, жители поселка Медвежий Угол, расположенного недалеко от нынешнего Ярославля, долгое время отказывались принимать христианство и поклонялись языческому богу Велесу. К ним пришел «с увещанием» ростовский князь Ярослав Владимирович. Местные жители спустили на него медведя, когда тот подошел к языческому капищу [Лебедев, с. 7–8]. Возможно, что зверя держали в специальной клетке при святилище. Германские и датские хронисты сообщают о содержании при языческих святилищах полабских славян сакральных животных (лошадей). На них нельзя было садиться под страхом смертной казни [Котляревский, с. 358; Саксон Грамматик, с. 215].

Подобные священные лошади, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении № 13, находящемся в сакральной части святилища, были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила,

остатки узды, скребница) [Тимощук, Русанова, с. 90]. Вполне возможно, что для жителей Медвежьего Угла таким тотемным зверем и символом бога Велеса был медведь. Не случайно его спустили на князя Ярослава Владимировича именно тогда, когда он стал призывать местных жителей отказаться от язычества и разрушить святилище. Легенда об убийстве Ярославом Мудрым сакрального зверя из святилища Велеса обрела исключительную популярность в русских землях и дошла практически в неизменном виде вплоть до XVIII в. в форме народного предания. Медведь стал символом города Ярославля, построенного недалеко от Медвежьего Угла, а само название поселка стало символизировать дикую окраину русского государства.

Видимо, во второй половине XI в. медведь уже стал считаться тотемистическим предком всех восточных славян. Его мясо стало запретным для употребления в пищу, а из шкуры нельзя было шить одежду. С этими запретами считались даже христианские священники. Так, согласно «Уставу князя Ярослава о церковных судах», употребление в пищу «медвежины» считалось преступлением против морали. Дело против нарушителя данного табу должен был рассматривать особый епископский суд [Древнерусские княжеские уставы, с. 89]. В «Послании Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» второй половины XI в. автор с большим негодованием обвиняет латинян в том, что они едят «удавленину, мертвечину и медвежину» [Послание преподобного Феодосия Печерского, с. 337].

Запрет на употребление в пищу медвежатины подтверждают и данные археологии. Так, в мусорных ямах древнерусских поселений XI – первой половины XII в. кости медведей практически отсутствуют [Цалкин, с. 131–132; Чубур, Стародубцев и др., с. 147–158]. При анализе раздробленного остеологического материала из древнерусских курганов (остатков погребальных тризн) исследователи также не зафиксировали кости медведей. Чаще всего ученые идентифицируют кости рыб, домашних животных, зайцев, лосей, мелких зверьков [Жарнов, с. 84–85; Соболев, с. 355]. Раздробленные кости медведей появляются в мусорных кучах древнерусских поселений лишь во второй половине XII в. Возможно, это связано с трансформацией образа медведя в представлении восточных славян данной эпохи под влиянием христианских проповедей.

Во второй половине XII в. завершилась христианизация окраинных регионов Древней Руси. Большая часть поздних язычников приняла христианство, остальные бежали на восток в земли финно-угорских народов. Последние древнерусские языческие святилища были разрушены. На их месте были построены христианские церкви. Христианским священнослужителям уже не было необходимости поддерживать языческие запреты на употребление в пищу мяса медведей и использование медвежьих шкур. Из древнерусских юридических документов XII–XVI вв. исчезли пункты о запрещении употребления в пищу «медвежины». Новгородский епископ Нифонт в своем

«Вопрошании Кирика» даже особым пунктом разрешил носить одежду, сшитую из медвежьей шкуры: «А пѣртъ делячи, въ чомѣ хотяше ходити. Нетуть греха, хоч и в медведице» [Материалы, с. 387].

Под влиянием христианских проповедей в народном представлении медведь превратился из властителя судеб и проводника в царство мертвых в одного из нечистых бесов. Характерным в этом отношении является древнерусский источник «Житие преподобного Исаакия Печерского» второй половины XII – первой половины XIII в. [см.: Барсуков, стб. 226]. В данном документе рассказывается о том, как одного из печерских старцев по имени Исаакий в числе других мучил бес «в образъ медвежь» [Киево-Печерський патерик, с. 188] (ил. 3 на цв. вклейке).

Однако медведь – «хозяин леса» все же считался самым сильным из всех нечистых духов. Считалось, что его побаивается остальная нечистая сила. Если медведя приручить, то он станет защищать своего хозяина от нечисти. Медведи якобы могли также снимать порчу с людей и животных. Вплоть до начала XX в. в русских землях сохранился простонародный обычай, приходя в лес, оставлять местному «хозяину-медведю» гостинец – краюху хлеба [Гура, с. 164–165, 172]. Интересно, что данный обычай зафиксирован даже в Житии Сергия Радонежского. Согласно данному источнику, святой, удалившись в лесную пустынь, оставил краюху хлеба на полянке в лесу. Местный лесной хозяин – медведь подружился со святым и даже стал ему прислуживать [Житие Сергия Радонежского, с. 54–58] (ил. 4 на цв. вклейке).

Как свидетельствуют многочисленные древнерусские письменные источники, миф о медведе, защищавшем своих хозяев от нечистой силы, породил новый уникальный обычай: на всей территории Древней Руси появились особые люди – медведчики, путешествовавшие со своими дрессированными питомцами по городам и небольшим поселениям. Согласно письменным источникам, не позднее начала XIII в. медведчики присоединились к бродячим скоморохам. Игра скоморохов – поводырей медведей была не только ярким представлением, но и имела символическое значение. Считалось, что медведь, появившийся в каком-либо городе или крестьянском селении, пугал и прогонял нечистую силу. Наши предки, видимо, по этой причине часто приглашали за определенную плату поводырей медведей с их питомцами в свои дома и хозяйственные постройки.

Первые упоминания поводырей медведей можно найти еще в древнерусской Кормчей книге по списку 1282 г. Так, в данном источнике можно найти следующие строки: «Запрещениемъ подобаетъ владети медведи или ины животны на поругание, тако же кормити и хранящее медведи, и в дом свой призывати» [Историческая хрестоматия, с. 381–382].

Поводыри медведей оказались настолько востребованными, что, несмотря на запреты православной церкви, оставались обычным явлением и спустя несколько веков. Так, «водить медведей для забавы» категорически запрещено в «Поучениях Митрополита Даниила» – источнике начала XVI в. [Поучение Даниила, с. 320]. Схожий текст находим

и в Окружной грамоте царя Алексея Михайловича 1649 г. [Сахаров, с. 389]. В 1636 г. по указу патриарха Иосифа дано было указание попавшему старосте и тиуну наблюдать, чтобы на христианские праздники не было в Москве бесчинств; ибо вместо «духовного торжества и веселия восприимше игры и кощуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах, и на торжищах, и на распутиях сатанинские игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками плескати, и плясати, и иная неподобная деяти» [Афанасьев, с. 343].

Видимо, скоморохи – поводыри медведей не только устраивали представления со своими питомцами и прогоняли нечистую силу, но и организовывали гадания по медвежьему реву. В уже упомянутой Кормчей книге по списку 1282 г. можно найти следующие строки: «Иже по поганому первому обычаю к волхвам и обавникам ходить, держаще и храняще медведи на глумление в дом, хотяше узнати некое неизведанное» [Историческая хрестоматия, с. 381]. О том, кто и зачем посещал медведчиков, сообщает нам безымянный источник из сборника XVI в.: «и чреватые женки ведмедеви хлеб дают из руки, если рыкнет – девица будет, а молчит – отрок будет» [Афанасьев, с. 338–339]. Вплоть до недавнего времени наши предки считали, что женщина излечится от бесплодия, если дать переступить через нее ручному медведю [Славянские древности, с. 213].

Письменные источники XVIII–XIX вв. уже не содержат упоминаемый обычай вождения медведя скоморохами. Таким образом, можно предположить, что с конца XVII в. обычай водить медведя по древнерусским селениям (для очищения их от нечистой силы) утратил свою популярность. В целом же можно прийти к выводу, что в конце X – начале XI в. на восточнославянских землях распространился культ медведя – властителя судеб и проводника в царство мертвых. Во второй половине XII в. под влиянием христианских проповедей медведь в народном сознании превратился из воплощения грозного бога в лесного беса, который, будучи приручен человеком, может защищать своего хозяина от нечистой силы. Под влиянием новых представлений о медведях – защитниках от нечисти в восточнославянских землях возник обычай вождения ручных медведей по улицам древнерусских поселений бродячими актерами – скоморохами-медведчиками, просуществовавший вплоть до конца XVII в.

Список литературы

- Аргов А. В.* Русское скоморошество и современная культура // Казанская наука. 2013. № 3. С. 234–237
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Тип. А. Грачева, 1865. Т. 1. 800 с.
- Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. XII с., 616 стб., VIII с.
- Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Уч. зап. Казан. гос. акад. ветеринар. медицины им. Н. Э. Баумана. 2010. Т. 204. С. 32–35.

Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев : Наукова думка, 1982. 104 с.

Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.

Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб. : Алетей, 2001. 524 с.

Голубкова О. В. Почитание медведя в связи с культурами женских божеств у восточных славян (к вопросу о сравнительной идентификации православия и язычества) // Проблемы межкультурного взаимодействия народов Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 49–52.

Горбаненко С. А. До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. 2003. № 2. С. 113–122.

Готлиб Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 ч. СПб. : Изд-во Ивана Глазунова, 1799. Ч. 1. 250 с.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под. ред. Я. Н. Щапова. М. : Наука, 1976. 241 с.

Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.

Жарнов М. Э. Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства // Советская археология. 1991. № 2. С. 76–89.

Житие преподобного отца нашего Авраамия, архимандрита Ростовского // Жития святых : в 12 кн. Киев : Изд-во Киево-Печерской лавры, 1855. Кн. 2. С. 224–227.

Житие Сергия Радонежского // Памятники древней письменности и искусства : в 190 вып. СПб. : Изд-во Имп. Акад. наук, 1885. Вып. 58. С. 1–139.

Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / сост. Ф. И. Буслевым. М. : Университет. тип., 1861. II, VIII с., 1632 стб.

Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб. : Сенат. тип., 1913. 327 с.

Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М. : Практ. знания, 1918. 73 с.

Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие : Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб. : Алетей, 2008. 435 с.

Киево-Печерський патерик / під ред. Д. І. Абрамовича. Київ : Час, 1991. 278 с.

Ковалева И. Миф: повествование, образ и имя // Лит. обозрение. 1995. № 3. С. 92–94.

Козлов М. Н. Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI вв.). М. : ИНФРА-М, 2020. 173 с.

Котляревский А. А. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Т. 3. Погребальные обычаи древних славян. 493 с.

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье (часть 1) // Древности. 2015. Вып. 13. С. 212–227.

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье (часть 2) // Древности. 2016. Вып. 14. С. 122–132.

Кураев И. Глиняные звериные лапы и кольца // Блог Исторического музея : [офиц. сайт]. 26.06.2020. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (дата обращения: 18.09.2020).

Лебедев А. Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль : Тип. Губ. земск. управы, 1877. 32 с.

Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М. : АСТ, 2003. 527 с.

Марус Р. Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. 2003. № 3 (41). С. 96–100.

Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. 1912. Т. 3. С. 1–27.

Мокишина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 97–101.

- Петрухин В.* Мифы финно-угров. М. : АСТ : Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Послание преподобного Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской // Макарий (архиеп. Харьковский). История Русской церкви : [в 12 т.]. СПб. : Тип. Ю. А. Бокрама, 1868–1910. Т. 2. С. 337–342.
- Поучение Даниила, митрополита всея Руси // Памятники литературы Древней Руси : Конец XV – первая половина XVI в. М. : Худож. лит., 1981. С. 520–533.
- Роткирх Т.* Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна : Тип. О. Завдозного, 1890. 201 с.
- Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М. : Наука, 1953. С. 76–120.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
- Саксон Грамматик.* Деяния данов : в 2 т. / пер. с лат. и коммент. А. С. Досаева. М. : Рус. панорама, 2017. Т. 2. 616 с.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М. : Худож. лит., 1989. 397 с.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И. П. Русанова ; под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1993. 335 с.
- Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2012. Т. 3. 693 с.
- Соболев В. Ю.* Древнерусская погребальная культура новгородской земли: проблемы и особенности формирования // Археологические вести. 2015. № 21. С. 352–367.
- Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ : Наукова думка, 1992. 334 с.
- Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян. М. : Ладога, 2007. 303 с.
- Тихомиров И. А.* О некоторых ярославских гербах // Тр. 3-го обл. ист.-археол. съезда во Владимире. Владимир : Тип. Губ. правления, 1909. С. 35–40.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М. : Наука, 1948. 250 с.
- Третьяков П. Н.* Городища-святилища левобережной Смоленщины // Советская археология. 1958. № 4. С. 170–186.
- Тянина Е. Л.* Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. : Свод источников и исследований. Сургут : АНО Ин-т археологии Севера, 2018. С. 304–311. DOI 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-304-311.
- Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М. : Наука, 1953. С. 121–154.
- Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси по данным изучения костных останков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 185 с.
- Чубур А. А., Стародубцев Г. Ю., Горобец Л. В.* Археозоологические наблюдения по материалам раскопок феодальной усадьбы «Городище Жидеевка» // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья : К 25-летию Курск. гос. обл. музея археологии : сб. науч. тр. Курск : [Б. и.], 2018. С. 147–158.
- Юнг К. Г.* Душа и миф : Шесть архетипов. Минск : Харвест, 2004. 398 с.
- Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris : Les Presses universitaires de France, 1912. 143 p.
- Shepard P., Sanders B.* The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature. N. Y. : Viking, 1995. 366 p.

References

- Abramovich, D. I. (Ed.). (1991). *Kievo-Pechers'kii paterik* [The Kiev Pechersk Patericon]. Kiïv, Chas. 278 p.
- Afanas'ev, A. N. (1865). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu v 3 t.* [The Poetic Views of the Slavs on Nature. 3 Vols.]. Moscow, Tipografiya A. Gracheva. Vol. 1. 800 p.
- Argov, A. V. (2013). Russkoe skomoroshество i sovremennaya kul'tura [Russian Bards and Modern Culture]. In *Kazanskaya nauka*. No. 3. pp. 234–237.

- Barsukov, N. P. (1882). *Istochniki russkoi agiografii* [Sources of Russian Hagiography]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XII p., 616 columns, XVIII p.
- Bibalaeva, L. N. (2010). O vliyanií totemizma na religioznye predstavleniya drevnikh slavyan [On the Influence of Totemism on the Religious Ideas of the Ancient Slavs]. In *Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsiny imeni N. E. Baumana*. Vol. 204, pp. 32–35
- Borovskii, Ya. E. (1982). *Mifologicheskii mir drevnikh kievlyan* [The Mythological World of the Ancient People of Kiev]. Kiev, Naukova dumka. 104 p.
- Buslaev, F. I. (Ed.). (1861). *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical Anthology of Church Slavonic and Old Russian Languages]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. II, VIII p., 1632 columns.
- Chubur, A. A., Starodubtsev, G. Yu., Gorobets, L. V. (2018). Arkheozooloicheskie nablyudeniya po materialam raskopok feodal'noi usad'by "Gorodishche Zhideevka" [Archaeo-Zoological Observations Based on the Excavations of the Feudal Estate Settlement of Zhideevka]. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya. K 25-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkheologii. Sbornik nauchnykh trudov*. Kursk, S. n., pp. 147–158
- Dubov, I. V. (1990). *Novye istochniki po istorii Drevnei Rusi* [New Sources on the History of Old Rus']. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 176 p.
- Durkheim, E. (1912). *Les formes elementaires de la vie religieuse*. Paris, Les Presses universitaires de France. 143 p.
- Fedorov, G. B. (1953). Slavyane Podnestrov'ya [The Slavs of Transnistria]. In *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 121–154.
- Golubkova, O. V. (2002). Pochitanie medvedya v svyazi s kul'tami zhenskikh bozhestv u vostochnykh slavyan (k voprosu o sravnitel'noi identifikatsii pravoslaviya i yazychestva) [The Veneration of the Bear in Connection with the Cults of Female Deities among the Eastern Slavs (on the Question of the Comparative Identification of Orthodoxy and Paganism)]. In *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviya narodov Sibiri*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 49–52.
- Gorbanenko, S. A. (2003). Do istorii tvarinnitstva u slov'yan Livoberezhzhya Dnipro ostann'oi chverti I tis. n. e. [On the History of Animal Husbandry in the Slavs of the Left Bank of the Dnieper, Last Quarter of the First Millennium CE]. In *Arheologiya*. No. 2, pp. 113–122.
- Gottlieb, J. (1799). *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov v 4 ch.* [Description of All Peoples Living in the Russian State. 4 Parts]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Glazunova. Part 1. 250 p.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik. 912 p.
- Jung, C. G. (2004). *Dusha i mif. Shest' arkhetyпов* [Soul and Myth. Six Archetypes], Minsk, Kharavest. 398 p.
- Kagarov, E. G. (1913). *Kul't fetishei, rastenii i zhyvotnykh v Drevnei Gretsii* [The Cult of Fetishes, Plants, and Animals in Ancient Greece]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 327 p.
- Kagarov, E. G. (1918). *Religiya drevnikh slavyan* [Religion of the Ancient Slavs]. Moscow, Prakticheskie znaniya. 73 p.
- Karpov, A. V. (2008). *Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie. Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vv.* [Paganism, Christianity, Dual Faith. The Religious Life of Ancient Russia in the 9th–11th Centuries]. St Petersburg, Aleteiya. 435 p.
- Kotlyarevskii, A. A. (1893). *Sobranie sochinenii v 3 t.* [Collected Works. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 3. Pogrebal'nye obychai drevnikh slavyan. 493 p.
- Kovaleva, I. (1995). Mif: povestvovanie, obraz i imya [Myth: Narration, Image, and Name]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 3, pp. 92–94.
- Kozlov, M. N. (2020). *Sluzhiteli yazycheskogo kul'ta v religioznoi i politicheskoi zhizni vostochnykh slavyan (IX–XI vv.)* [Officials of the Pagan Cult in the Religious and Political Life of the Eastern Slavs (9th–11th Centuries)]. Moscow, INFRA-M. 173 p.

Kroitor, R. V., Koloda, V. V. (2015). Zhivotnovodstvo pozdnykh severyan na slavyano-khazarskom pogranich'e (chast' 1) [Livestock Breeding of the Late Northerners on the Slavic-Khazar Borderlands (Part 1)]. In *Drevnosti*. Iss. 13, pp. 212–227.

Kroitor, R. V., Koloda, V. V. (2016). Zhivotnovodstvo pozdnykh severyan na slavyano-khazarskom pogranich'e (chast' 2) [Livestock Breeding of the Late Northerners on the Slavic-Khazar Borderlands (Part 2)]. In *Drevnosti*. Iss. 14, pp. 122–132.

Kuraev, I. (2020). Glinyanye zverinye lapy i kol'tsa [Clay Animal Paws and Rings]. In *Blog Istoricheskogo muzeya* [website]. June 26. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3390> (accessed: 18.09.2020).

Lebedev, A. N. (1877). *Khramy Vlas'evskogo prikhoda v g. Yaroslavle* [Temples of Vlasyevsky Parish in Yaroslavl]. Yaroslavl, Tipografiya Gubernskoi zemskoi uprav. 32 p.

Levkievskaya, E. E. (2003). *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow, AST. 527 p.

Marus, R. (2003). Kul't medvedya u vostochnykh slavyan [The Cult of the Bear among the Eastern Slavs]. In *Rossiia i ATR*. No. 3(41), pp. 96–100.

Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny [Materials for the History of Ancient Russian Penitential Discipline]. (1912). In *ChOIDR*. Vol. 3, pp. 1–27.

Mokshina, E. N. (2012). Obraz medvedya v religioznykh i mifologicheskikh predstavleniyakh finno-ugorskikh narodov (mordvy, mariitsev, udmurtov, komi i dr.) [The Image of the Bear in Religious and Mythological Representations of the Finno-Ugric Peoples (Mordovians, Mari, Udmurt, Komi, etc.)]. In *Finno-ugorskii mir*. No. 3/4, pp. 97–101.

Petrukhin, V. (2003). *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric Peoples]. Moscow, AST, Tranzitkniga. 463 p.

Poslanie prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo k knyazyu Izyaslavu o vere varyazhskoi [Message from St Feodosii of the Caves to Prince Izyaslav about the Varangian Faith]. (1868). In Makarii (archbishop of Kharkov). *Istoriya russkoi tserkvi [v 12 t.]*. St Petersburg, Tipografiya Yu. A. Bokrama. Vol. 2, pp. 337–342.

Pouchenie Daniila, mitropolita vseya Rusi [The Teaching of Daniil, Metropolitan of All Russia]. (1981). In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 520–533.

Rotkirkh, T. (1890). *Litovsko-yazycheskie ocherki. Istoricheskie issledovaniya Teobal'da* [Lithuanian-Pagan Essays. Theobald's Historical Research]. Vilna, Tipografiya O. Zavdoznogo. 201 p.

Rusanova, I. P., Rybakov, B. A. (Eds.). (1993). *Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n. e. – pervoi polovine I tysyacheletiya n. e.* [Slavs and Their Neighbours in the Late 1st Millennium BCE – First Half of the 1st Millennium CE]. Moscow, Nauka. 335 p.

Rybakov, B. A. (1953). Stol'nyi gorod Chernigov i udel'nyi gorod Vshchizh [The Capital City of Chernihiv and the Apanage City of Vshchizh]. In *Po sledam drevnykh kul'tur. Drevnyaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 76–120

Rybakov, B. A. (1981). *Yazychestvo drevnykh slavyan* [The Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Nauka. 608 p.

Sakharov, I. P. (1989). *Skazaniya russkogo naroda* [Tales of the Russian People]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 397 p.

Saxo Grammaticus. (2017). *Deyaniya danov v 2 t.* [Gesta Danorum. 2 Vols.]. / transl. by A. S. Dosaeva. Moscow, Russkaya panorama. Vol. 2. 616 p.

Shchapov, Ya. N. (Ed.). (1976). *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Charters of the 11th–15th Centuries]. Moscow, Nauka. 241 p.

Shepard, P., Sanders, B. (1995). *The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature*. N. Y., Viking. 366 p.

Sobolev, V. Yu. (2015). Drevnerusskaya pogrebal'naya kul'tura novgorodskoi zemli: problemy i osobennosti formirovaniya [The Old Russian Funerary Culture of the Land of Novgorod: Issues and Features of Formation]. In *Arkheologicheskie vesti*. No. 21, pp. 352–367.

Sofonovich, F. (1992). *Khronika z litopistsiv starodavnykh* [Chronicle of the Ancient Chroniclers]. Kiïv, Naukova dumka. 334 p.

Tikhomirov, I. A. (1909). O nekotorykh yaroslavskikh gerbach [On Some Yaroslavl Coats of Arms]. In *Trudy tret'ego oblastnogo istoriko-arkheologicheskogo s"ezda vo Vladimire*. Vladimir, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, pp. 35–40

Timoshchuk, B. A., Rusanova, I. P. (2007). *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan Shrines of the Ancient Slavs], Moscow, Ladoga. 303 p.

Tolstoy, N. I. (Ed.). (2012). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary. 5 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3. 693 p.

Tret'yakov, P. N. (1948). *Vostochnoslavjanskije plemena* [East Slavic Tribes]. Moscow, Nauka. 250 p.

Tret'yakov, P. N. (1958). Gorodishcha-svyatilishcha levoberezhnoi Smolenshchiny [Sanctuary Sites of Left-Bank Smolensk Region]. In *Sovetskaya arkheologiya*. No. 4, pp. 170–186.

Tsalkin, V. I. (1956). *Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi po dannym izucheniya kostnykh ostankov iz raskopok arkheologicheskikh pamyatnikov lesnoi polosy evropejskoi chasti SSSR* [Materials for the History of Cattle Breeding and Hunting in Ancient Russia according to the Study of Bone Remains from the Excavations of Archaeological Sites of the Forest Strip of the European Part of the USSR]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 185 p.

Tyanina, E. L. (2018). Medvezhii kul't v srednevekovom Novgorode v kontekste religioznogo pochitaniya medvedya v severnoi Evrazii [The Bear Cult in Medieval Novgorod in the Context of the Religious Veneration of the Bear in Northern Eurasia]. In *Arkheologiya severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovaniy*. Surgut, Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya Institut arkheologii Severa, pp. 304–311, DOI 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-304-311.

Vasil'ev, B. A. (1948). Medvezhii prazdnik [Bear Holiday]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 4, pp. 78–104

Vlasova, Z. I. (2001). *Skomorokhi i fol'klor* [Bards and Folklore]. St Petersburg, Aleteiya. 524 p.

Zharnov, M. E. (1991). Zhivotnye v pogrebal'nom obryade kurganov periodov stanovleniya drevnerusskogo gosudarstva [Animals in the Funerary Rite of the Mounds of the Formation Periods of the Ancient Russian State]. In *Sovetskaya arheologiya*. No. 2, pp. 76–89.

Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Avraamiya, arkhimandrita Rostovskogo [The Life of Our Reverend Father Avraamii of Rostov]. (1855). In *Zhitiya svyatykh v 12 kn.* Kiev, Izdatel'stvo Kievo-Pecherskoi Lavry. Book 2, pp. 224–227.

Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of Sergii of Radonezh]. (1885). In *Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva v 190 vyp.* St Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii nauk, pp. 1–139.

The article was submitted on 01.09.2019

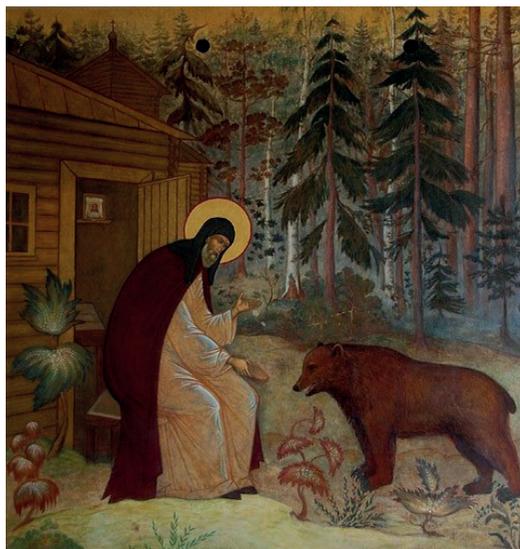
Иллюстрации к статье:
Михаил Козлов, Снежана Шендрикова. Эволюция мифологического образа
медведя в религиозном сознании восточных славян

Illustration for the article:
Mikhail Kozlov, Snezhana Shendrikova. The Evolution of the Mythological
Image of the Bear in the Religious Consciousness of the Eastern Slavs

3. Изображение бесовского игрища в келье старца Исаакия. Миниатюра.
Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Л. 88

Depiction of demonic play in the cell of Elder Isaac. Miniature. Radziwiłł
(Konigsberg) Chronicle. St Petersburg, 1902. L. 88

4. Фрагмент росписи «Житие Сергия Радонежского» в проходе Святых ворот
Троице-Сергиевой лавры. 04.01.2008. Фото Е. Филипповой

Fragment of the painting *The Life of St Sergius of Radonezh* in the passage of the Holy
Doors of the Trinity Lavra of St Sergius. 04.01.2008. Photograph by E. Filippova